

— Какое великолепное «Не верю»! Свежая мысль, сильный и острый стиль, стремительный, словно мчащаяся конница!

Другой чиновник от образования заметил:

— «Не верю»... Этот кандидат... его ведь зовут Тан Шэнь? Не слишком ли он хвастлив и самонадеян?

Он продолжил читать:

— Второе сочинение, «Женитьба на деве из У», написано вполне традиционно, без изъяснов, заслуживает оценки «хорошо с плюсом». А вот последнее стихотворение, «Услышав долгое ржание скакуна», хоть и несёт в себе дух сочинений багу, однако форма в нём преобладает над сутью. И посмотрите на эти две строчки...

Все посмотрели туда, куда он указывал.

Чиновник от образования сказал:

— Тональное чередование в этих двух строках ошибочно.

Цзя Ляншэн удивился:

— О, а я и не заметил.

Цзя Ляншэн тоже не ожидал, что столь блистательный Тан Шэнь совершит такую досадную оплошность. Откуда ему было знать, что вины Тан Шэня тут нет. В будущем произношение этих иероглифов изменится, и для людей той эпохи тоны в этих строках будут верными. Но сейчас правила тонального чередования были иными. И Тан Шэнь, как бы ни старался быть внимательным, одурманенный жуткой вонью, всё же допустил невольную ошибку.

Другой чиновник возразил:

— Строго говоря, это не ошибка. Этот иероглиф имеет несколько чтений, и в «Шань хай цзин» он также произносится как «сян».

— В «Шань хай цзин» это чтение используется лишь применительно к горным демонам и нечисти, — заметил первый. — По мне, так первое сочинение этого кандидата слишком резкое, написанное на грани фола. А вот второе — действительно прекрасная работа. Экзаменационное стихотворение имеет форму багу, но лишено его души, к тому же в нём есть эта мелкая погрешность. Прежде чем объявлять его лучшим на экзамене, не лучше ли взглянуть на другую работу?

Все снова принялись за чтение.

Чиновник произнёс:

— У этого кандидата оба сочинения написаны уверенно и основательно, с чётким замыслом. А взгляните на третье стихотворение — написано великолепно! «Кости коня поражают взор, но в людских глазах нет прозрения... Кто знает, откуда всходит яркая луна? Плывущие облака не спрашивают о пути. Ныне я готов покинуть повозку с солью, чтобы ради тебя пройти тысячи ли». Прекрасный образ, глубокий смысл, шедевр!

Просмотрев работу второго кандидата, Цзя Ляншэн кивнул:

— Действительно. Это стихотворение заслуживает первого места на нынешнем экзамене.

К утру чиновники закончили проверку всех экзаменационных работ уездного экзамена.

Цзя Ляншэн потер глаза и сказал:

— Уважаемые коллеги, полагаю, мы все определились с тем, кому присудить высшие оценки «цзя» в этой сессии. По моему мнению, за второе сочинение «Женитьба на деве из У» оценку «цзя» следует отдать Тан Шэню из управы Гусу. За экзаменационное стихотворение «Услышав долгое ржание скакуна» оценку «цзя» заслуживает Ян Чжифань из уезда Усянь. Что же касается первого сочинения «Когда государство близится к расцвету, непременно явятся благие знамения»... Высшую оценку «цзя» должен получить Тан Шэнь из управы Гусу!

Один из чиновников усомнился:

— Сочинение Тан Шэня чересчур дерзкое, прилично ли это?

Цзя Ляншэн ненадолго задумался:

— И что же вы предлагаете?

До рассвета было ещё далеко, но в управе ярко горели огни.

Тан Шэня это, разумеется, никак не заботило. Точно так же до рассвета, еле передвигая ватные ноги и сжимая в руках экзаменационную корзину, он шёл к воротам экзаменационного двора, поддерживаемый с двух сторон Яо Санем и Тан Хуан.

Пригожий юноша тоскливо глядел на запертые ворота, а затем переводил взгляд на столпившихся вокруг сокурсников.

Тан Шэнь едва не плакал.

Тан Хуан недоумевала:

— Как странно, брат. Лекарь ведь сказал, что ты совершенно здоров, просто проголодался, и стоит тебе поесть, как всё пройдёт. Почему же ты сегодня до сих пор такой слабый?

Тан Шэнь ответил едва слышным шелестом:

— Что ты понимаешь... Душевная травма во сто крат болезненнее телесных ран!

До конца своих дней Тан Шэнь не забудет картину: он жуёт твёрдую, как камень, лепешку, а соседний кандидат внезапно спускает штаны и принимается испражняться прямо у него на глазах.

Вовек! Не! Забыть!

Яо Сань тоже был наслышан о тяготах экзаменов. Он подбодрил его:

— Молодой хозяин, потерпите немного, осталось всего четыре экзамена — и всё позади.

— ...

«Ну и удружил! Какую рану растравил! Четыре экзамена! Целых четыре!» — подумал Тан

Шэнь.

Пытаясь утешить самого себя, он подбодрил себя:

— Да, осталось четыре. Если попаду в первую десятку, то одержу победу.

В его глазах вспыхнул огонёк надежды.

Четыре дня спустя он, шатаясь, вышел из экзаменационных ворот и снова рухнул без чувств, успев упасть прямо в руки Яо Саня. Последнее, что прошептал Тан Шэнь перед тем как потерять сознание, было:

— В этой жизни... я, Тан Шэнь, обязательно изобрету унитаз со смывом! Обязательно!!!

Когда пятидневный уездный экзамен завершился, Тан Шэнь пролежал в постели целый день, прежде чем прийти в себя. Ему ещё повезло: крепкое здоровье, да и Яо Сань с Тётушкой Яо снабдили его всем необходимым. Некоторые же бедные и хилые кандидаты слегли с тяжёлой болезнью после первого же дня и пропустили остальные экзамены.

Первым делом Тан Шэнь отправился навестить Лян Суна, чтобы рассказать учителю, как всё прошло. О содержании своих ответов он распространяться не стал, поскольку Лян Сун заметил:

— Работы лучших учеников каждого экзамена, а также все сочинения и стихотворения, получившие высшую оценку «цзя», будут обнародованы.

— ...

«Ладно, я непременно получу свою оценку "цзя", вот увидите», — мысленно пообещал он.

Потребовалось ещё два дня, чтобы Тан Шэнь окончательно забыл кошмары экзаменационного двора. И вот однажды утром к нему неожиданно нагрянули гости.

Едва ступив во двор, Госпожа Тан сурово обратилась к своему сыну:

— Тан Юнь, и теперь ты смеешь утверждать, будто Шэнь-эр в чём-то провинился перед нашей семьёй Тан? Раскаялся ли ты? А ну расскажи брату, что тогда произошло на самом деле, почему ты его оклеветал и совершил такую глупость!

От автора: В этой главе название сочинения «Когда государство близится к расцвету, непременно явятся благие знамения» заимствовано у Ян Ваньли, а «Женитьба на деве из У» — у Тан Боху. Два экзаменационных стихотворения цитируют Чэнь Цзюцзи и Мэн Хаожаня.

Разодетый в дорогие шелка Тан Юнь стоял с понурым видом. Он то открывал, то закрывал рот, не зная, как начать этот неловкий разговор.

Видя это, Госпожа Тан со вздохом произнесла:

— Никчёмный!

Она приказала служанке Хайтан привести коекого. Это был юноша лет четырнадцати-пятнадцати, также одетый в шёлковые одежды. Однако держался он робко, выглядел встревоженным и то и дело боязливо косился на Госпожу Тан. Стоило той бросить на него строгий взгляд, как он вздрогнул всем телом и едва не повалился на землю от страха.

Госпожа Тан сказала:

— Шэнь-эр, это побочный сын твоего старшего дяди, твой второй двоюродный брат.

Тут-то Тан Шэню наконец стало ясно, с чего это три месяца назад Тан Юнь прибежал к нему устраивать погром.

У каждой семьи свои скелеты в шкафу. Госпожа Тан славилась в управе Гусу как добродетельная и образованная женщина, а в молодости слыла признанной красавицей Цзяннаня. К несчастью, её род пришёл в упадок, и хотя семья была потомственными книжниками, им приходилось тайно сводить концы с концами. Однако Госпожа Тан оказалась счастливницей: выйдя замуж за представителя семьи Тан, она родила сына и дочь, а её муж преуспел и сдал экзамены на звание цзюйжэня.

Госпожа Тан умело вела хозяйство, и дела в нескольких лавках шли безупречно. И всё же она не была всемогущей, так что беда пришла откуда не ждали. Тан Юнь поддался на скрытые провокации своего младшего единокровного брата, рожденного наложницей, и оговорил Тан Шэня, что и привело к той неистовой вспышке гнева три месяца назад, когда он разгромил его дом.

Тан Шэнь знал, что у Цзюйжэня Тана есть незаконнорожденный сын одного с ним возраста. С виду тот казался простодушным и искренним, к тому же был полнее самого Тан Шэня, но кто бы мог подумать, что именно он плетёт интриги за чужими спинами.

Должно быть, Госпожа Тан уже как следует проучила этого мальчишку перед уходом, поэтому теперь он лишь испуганно сжимался и не смел пикнуть.

Когда Госпожа Тан повторила своё требование, Тан Юнь, стиснув зубы, обратился к Тан Шэню с извинениями:

— Раньше я вел себя глупо и поддался на чужие наговоры, неправильно тебя поняв. Тан... двоюродный брат, мы ведь одной крови, прости меня.

Тан Шэнь с улыбкой ответил:

— Я простил тебя ещё три месяца назад. К тому же за всё, что ты тогда разбил, старшая тётюшка уже прислала возмещение.

Тан Шэнь проявил великодушие, но у Тан Юня на душе всё равно скребли кошки.

Он и представить себе не мог, что безумная идея Тан Шэня принесет Лавке сокровищ семьи Тан огромную прибыль. В последнее время Тан Шэнь занялся каким-то странным делом под названием «доставка». Поначалу никто не верил в успех этого предприятия, даже Госпожа Тан сомневалась и позволила ему попробовать лишь потому, что больших убытков это бы не принесло. Кто же знал, что дело с этой доставкой пойдет в гору!

Даже Цзюйжэнь Тан изумлялся и как-то за едой обронил:

— Мой младший брат был упрямым недотёпой, умел только зубрить книги и совершенно не смыслил в делах. Удивительно, как у него вырос сын, ни капли на него не похожий.

Тан Юнь прекрасно знал, сколько денег семья Тан заработала на мыле благодаря совету Тан Шэня. И пусть его служба доставки пока не приносила прибыли, имя Тан Шэня теперь гремело

на всю управу Гусу. Даже Госпожа Тан полагала, что у этого предприятия есть скрытый потенциал и его будущее сулит нечто грандиозное.

Но что поражало ещё больше — наставником Тан Шэня действительно оказался сам Лян Бовэнь!

Тан Юнь впервые по-настоящему внимательно оглядел своего младшего брата. Тот выглядел довольно миловидным и аккуратным юношей, однако, сколько ни присматривайся, в нём невозможно было разглядеть того выдающегося человека, о котором твердила мать.

Неужели этот Тан Шэнь действительно настолько способный?

<http://bllate.org/book/18292/1754443>